

Алевтина
Винниевская

ТРАФАРЕТЧИЦА

Алевтина Вишневская

Трафаретчица

«Издательские решения»

Вишневская А.

Трафаретчица / А. Вишневская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834797-9

Если вам кажется, что в этой книге Вишневская учит людей курить, пить кофе ведрами и косить всех под дешевые шаблоны, то вам не кажется. Из «Трафаретчицы» вы также узнаете: что делать, если к завтраку притаскивают труп, а не омлет с помидорами; если к вам лезет романтичный дядька, пытаясь переманить на добрую сторону, а вам нравится быть вселенским злом; и выясняется, что вы — не вы, и уже 10 лет собою не были... Душевные терзания с нотками каламбура, нежные воспоминания и новогодние попойки.

ISBN 978-5-44-834797-9

© Вишневская А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Трафаретчица

Алевтина Вишневская

© Алевтина Вишневская, 2016

© Мария Круль, дизайн обложки, 2016

Иллюстратор Дарья Усманова

Редактор Галина Маркова

Корректор Елена Ветрова

ISBN 978-5-4483-4797-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

К завтраку притащили труп. Довольно приличный труп, женский, с копной русых волос, в красных джинсах и укороченном пальто горчичного цвета, в аромате пряных духов, которыми тут же провоняла вся квартира.

– Отлично! – провозгласил Михаэль, продолжая деловито вытряхивать кашу в окно. – Если Луна не приготовит нормальную еду, я зажарю вон ту крашеную курицу.

– Натуральный русский, – фыркнул Зен с видом модного эксперта, бросил девушку у порога и отряхнул руки.

– Все, держи, – Михаэль закрыл окно и отдал визжащей от негодования Луне пустую кастрюлю.

– Я так старалась! Так готовила! – разорвалась она.

– По вкусу не заметно.

– Демон!

– Что? – чутко ответил Михаэль.

– Я тебя убью когда-нибудь!

Слышать угрозу от хрупкой девушки, ростом ниже его на две головы, было смешно, парень фыркнул, достал из кармана трусов зажигалку и прикурил сигарету, которую держал в зубах еще когда казнил Лунину кашу. Карманы были его фетишем, потому что в штаб-квартире он вечно ходил в трусах, а складывать важные вещи типа пачки сигарет было некуда.

– Ты... – продолжала Луна, потрясая кастрюлей. – Ты просто...

– Полностью согласен, – кивнул Михаэль и указал сигаретой на труп. – Что за курица?

Зен вернулся в кухню, потирая ядовито зеленые волосы полотенцем. Дождь бушевал на улице уже третий день, хотя на календаре в снежинках и бантиках значился декабрь.

– Вероника сказала, что придет к восьми часам, – пояснил мальчишка. – Вир, это наверно...

– Не говори мне, что это трафарет, хотя бы пока я не допью, – оборвала Зена я. – Вообще о работе не говори. Пусть утро будет хорошим... – Я глянула на наручные часы. – До семи.

Зен пожал плечами, и про труп благополучно забыли. Демон поднял куда более важный вопрос.

– Когда мы начнем нормально питаться?! – возмутился он, расхаживая по кухне. – Скрипач вернется из командировки через неделю (он единственный, кто умеет готовить в нашем коллективе), жрать до его приезда кашу и брокколи я не намерен.

– Я забочусь о твоём здоровье! – вякнула в свою защиту Луна, и Михаэль затянул рассказ, настолько умный и проповедующий, что даже сматюгнулся всего пару раз. Здоровый, крепкий парень, с утра небритый и растрепанный, в трусах с криво пришитым карманом и футболке с надписью «Добрый фей», ходил по кухне, говорил вкрадчивым голосом и время от времени окидывал нас пронзительным взглядом.

Я флегматично пила чай, Зен устроился на подоконнике с пакетом мороженых ягод и громко грыз их вместе со льдом. Луна сидела на стуле, притянув колени к подбородку и, окутанная черными волосами как шалью, обиженно смотрела на Демона.

– Раскумекали? – в завершении поинтересовался он.

– Шевелится.

– Кто?

– Труп, – спокойно пояснила я и подлила в чашку кипятку.

– Тапком в него кинь, раз так раздражает.

– Вирина, это траф...

– Заткнись, – любезно попросила я.

- Сегодня должен быть выходной! – разорвался Демон, закуривая третью по счету сигарету. – Я в воскресенье работать не собираюсь.
- Сейчас придет Вероника и зашвырнет тапком уже в тебя.

День был безнадежно испорчен.

В четыре утра меня разбудил голос пилота, сообщающий о посадке самолета, всю командировку я грезилась одним лишь отпуском, хотела уехать в загородный дом и пропасть на недельку. Задвинуть шторы, закрыть дверь на замок и спустить пустоту с цепи, пусть побесится, сгрызет все что хочет: хоть дом, хоть меня – все равно буду лежать на кровати и пялиться в потолок.

Декабрь встретил меня дождем и ветром. За пятнадцать минут пешего пути я насквозь промочила замшевые сапоги, рассчитанные на суровые русские морозы, а не неожиданную оттепель. В штаб-квартире меня встретил труп, обещающий месяц интересной разнообразной работы, которая осточертела еще пять лет назад. В зеркале меня встретило отражение, с которым мы не виделись месяц и полторы недели, ужаснулось и попросило больше не приходить.

Чай – единственная моя отрада, чай – спасение и успокоение, пью его и умирать не собираюсь, хотя очень хочется.

– Да пошла она... – цензурными дальше были только предлоги, Демон ругался долго, красиво и вдохновенно, не зная, что Вероника стоит за его спиной и, скрестив руки на груди, благоговейно внимает каждому слову, даже кивает.

– Все? – спокойно поинтересовалась она, проходя к столу. Квартира наполнилась громким стуком, мадам носила обувь только на шпильке, что вечно бесило Михаэля, но сейчас он присмирел.

– Здравствуйте, – лошадиная улыбка парня перекликнулась с надписью «Добрый фей». – А я тут монолог репетирую. К миру. Ругаться по утрам – это привычка, я просто очень добрый человек, сейчас пар спущу и буду ходить, улыбаться.

Вероника улыбнулась надменно и красиво, кивнула:

– Этот месяц без зарплаты.

– Ах ты ж су... субъективно мыслите, очень субъективно, – Михаэль глубоко вдохнул, достал еще одну сигарету и устроился рядом с Зеном на подоконнике, продолжив ругаться мысленно.

– Ну что, мышата, – радостно заговорила Вероника и пошла по кухне. – Как вам погода? Нежданное явление апреля, можно перелистывать календарь и валить на море! Конечно же, это шутка. Зен, как там дела с банком?

– Не знаю, – честно ответил парень и закинул в рот очередную ягоду.

– Заказчик ждет информации, хотя бы сделай вид, что ты работаешь по плану, а не с кондачка. Луна, солнышко, завари мне чайку. Как твои дела? Я нашла заказ, просят в очередной раз измарать руки... думаю, вы с Демоном им займетесь. И не смотри на меня так, я сегодня добрая, зарплату, может и отработаешь, но если я еще раз узнаю, что ты сквернословил, накажу, понял? – Женщина кокетливо подмигнула Михаэлю (тот лишь фыркнул) и упорхнула к моему стулу.

Стерва с безупречной укладкой и макияжем, в черных брюках и черной блузке, сегодня она и правда выглядела как двадцатилетняя девчонка, светила и улыбалась, даже глаза живо позеленели, хотя обычно в них была одна лишь чернота.

– Вириня, здравствуй! Как тебя давно не было. С возвращением на Родину! Как настроение?

– Отпуск хочу, – вздохнула я, допивая чай.

Женщина рассмеялась, склонилась чуть в стороне от меня, чтобы видеть лицо.

– Девочка моя, ты же знаешь, что трафаретчиц у нас больше нет, а это очень важный заказ. Что тебе стоит покутить недельку в новом образе? Он кончится до Нового года, мне обещали, ты еще успеешь побыть собой.

– Я не...

– Не против? Я так и думала. В шесть часов у тебя встреча с заказчицей в «РенРо».

Тихую музыку заглушал шум дождя. Капли градом били в стекла, гром сгонял людей в кафе и магазины, в отражениях витрин мелькала гроза. «РенРо» заполнялся людьми, все заказывали кофе и обсуждали планы на грядущий Новый год, смеялись, мол, будем в сарафанах и резиновых сапогах встречать.

Заказчицу происходящее не касалось никоим образом, женщина сидела за дальним столиком, скучающе листая страницы на планшете. Тонкие, неестественно-желтые волосы спадали на лицо, она то и дело поправляла их рукой, слишком худой из-за массивных колец и брас-

лета. Яркое платье в стиле этно привлекало внимание и, подходя к столику, я пыталась понять почему.

Женщина узнала меня, улыбнулась и кивком указала на плетеное кресло напротив.

– Вириanea? Приятно познакомиться. Может, кофе? Ну и погода сегодня, сушая весна, даже снова замуж хочется. Кстати, о замужестве, – женщина откинулась на спинку кресла, подпирая рукой висок. – У тебя есть семья? Официант! Принесите нам по чашке кофе, любого, все равно я в этом ничего не понимаю. Вирина? Ничего, что я сразу на «ты»?

– Это ваше дело, – равнодушно отозвалась я. – Мне сказали, вы объясните заказ. У вас так много времени, чтобы интересоваться моей жизнью?

Женщина вздохнула и взглянула в окно. Я сообразила – глаза. У нее красивое лицо, изящные шея, плечи, талия – все при ней, но глаза бесцветные, совершенно пустые. Она уже устала от жизни.

– Конечно же, я объясню заказ. Но иногда так хочется с кем-то просто поговорить.

– Не люблю разговаривать с незнакомцами.

Заказчица грустно усмехнулась.

– Да ты счастливая девочка. Однажды все доходят до степени одиночества, когда готовы разговаривать с кем угодно... но что это я отвлекаюсь. Заказ? Благодарю, – женщина отвернулась от окна и взяла кофе, но, попробовав, покачала головой и поставила чашечку в сторону. – Эльвира Аникина – моя старая знакомая. Красивая, успешная, счастливая и милая; скоро выходит замуж – всем бы такую жизнь.

– Вы ей завидуете? – не удержалась от шпильки я, женщина лишь удивленно сдвинула брови, бросила:

– Я не собираюсь рассказывать о личных счетах, – и снова взглянула в окно. Задела.

Я флегматично пожалала плечами и отхлебнула кофе.

– На данный момент ты просто должна вжиться в ее роль, – произнесла женщина, задумчиво коснулась крупной сережки с зеленым камнем. – Поживешь с Артуром, статьи попишешь... ты умеешь считывать информацию с человека, мне не стоит вдаваться в подробности ее жизни, верно?

Я кивнула.

– Через неделю, может, чуть позже, я тебе позвоню. Расскажешь, какие у них отношения в семье, что планируют на будущее...

– Вам было бы дешевле и проще нанять детектива.

– Вирина, у меня на них большие планы, – заказчица сложила руки на столе. – Но я еще буду думать, а ты работай. И все-таки... у тебя есть семья? Хотя бы кот? Ты любишь каштаны? Осень? Костры? Шоколад? Американские фильмы? Рок-н-ролл, музыку? Не обижайся, что я так расспрашиваю, просто хочется знать хоть что-то о человеке, с которым собираешься работать.

– Деловые отношения, ничего личного, – произнесла я и поднялась. – Я посмотрю Эльвиру, поживу и позвоню вам. До свидания.

Громогласный ливень превратился в мелкую морось. Я спрятала руки в карманы куртки и быстрым шагом направилась к машине.

Раз вы работаете со мной, то должны понимать, что невозможно узнать обо мне что-то кроме имени и внешности – и то не факт, что последняя будет настоящей. Я столько трафаретов за десять лет работы износила, что сама не всегда уверена, себя я с утра в зеркале вижу или нет.

Никогда не видела смысла в этих встречах, поэтому они не длились больше десяти минут. Все, что мне нужно узнать, я узнаю от человека, которого буду заменять. Характер, привычки, мысли, воспоминания, родственники до пятого колена – все подчинится мне.

Нужно просто сказать, что сделать, и разойтись. Но люди, науськанные законом вежливости, пытаются продолжить разговор дальше, начинают спрашивать, как у меня дела в жизни,

как семья, есть ли она, если нет: «А почему?»; если есть: «А как же вы с такой работой ее сочетаете?». И смотрят на меня глупо округлившимися глазами, не понимая, что я бессовестно вру и говорю все, что приходит в голову, а иногда и откровенно над ними издеваюсь.

Потому что нет у меня семьи. И друзей нет. Я понятия не имею, какой у меня любимый чай, фильм, цвет и время года. Я не знаю, что я делала вчера, потому что нет необходимости это знать. Я не смогу сказать, когда у меня день рождения, если не загляну в паспорт.

Потому что меня настоящей: личности, характера, индивидуальности – нет. А тело, которое пять дней ходит по бессмысленным делам, а два спит, у всех есть, и ничего в этом интересного.

Трафарет – это жизнь, которой я живу определенное время. Эльвира Аникина сейчас потчует в криокамере, завтра утром я приду в штаб, посмотрю на нее и стану ее копией. Ее мысли, чувства, воспоминания, мечты – все станет моим, потому что она – это уже буду я. Я, время от времени вспоминающая, что есть задание, которому нужно следовать, потому что заказчица платить деньги.

Потом все вернется назад. Эльвира станет человеком с рухнувшей судьбой, чужим миром и пробелами в памяти, а я – тенью до следующей куклы.

Говорят, пустые дома хранят воспоминания, как воздух в банке с бабочкой, прячут их в битых стеклах, в горшках с засохшими цветами, под крыльями голубей в кованных флигелях. Стоит только ступить на порог – и все рухнет на твои плечи. Чужие голоса, топот каблучков, шум вишневого сада за окном; разбитые на счастье чашки, слезы о несбывшихся мечтах, календари, умирающие изо дня в день. Ветка лаванды на веранде, земляничное варенье на рукавах, золотые листья на клетчатом пледе и пятна снежков на стенах.

Ты молчишь, а он – говорит. Сейчас я молюсь, только бы этого не было. Никогда больше.

Я вошла в дом, щелкнула выключателем, бросила сумку на пол. Тишина стояла в комнате, как туман над рекой – всеобъемлющий, спокойный, недвижимый. Сделала пару шагов, ничего не почувствовала. Обошла первый этаж: кухню, коридор, гостиную – ничего не вспомнила.

Осторожно прислонилась к стене, закрыла глаза. Тишина не прекратилась. Чуть не заплакала от облегчения. Кончилось. Не было и не будет. Никогда больше. Теперь дом по-настоящему пуст. Потому что воспоминания – ничто без людей, которым принадлежат.

Стену у двери в кухню покрывали имена, я взяла с полки маркер, приписала: «Эльвира Аникина». Постояла у зеркала, убрала короткие кудри в хвост, поругала себя за серый цвет лица и круги под глазами, придралась бы к чему-нибудь еще, но поняла, что отражению уже тошно на меня смотреть, и ушла пить чай.

Коротала ночь, листая Элькину тетрадку с художественными переводами, ее сумку я взяла с собой, чтобы завтра не возвращаться в штаб-квартиру. Кухня плавилась в лучах искусственного света, меня грел потрепанный плед и черный несладкий чай, атмосфера царила идеальная, пока в дверь не позвонили. Я подняла голову, смерила взглядом темный коридор и вернулась к книге. Хозяйева забыли выключить свет, когда уезжали, вот такие вот растяпы, счет за электроэнергию потом придет огромный – знаем, уходите, безнадежно.

В дверь продолжали звонить. Твердое намерение не вставать с места исчезло, когда я в четвертый раз прочитала страницу и не поняла сути написанного. Подобрал полы пледа, я прошла в коридор, открыла дверь, и в дом тут же вломился мужчина.

– Собеседник нужен? – спокойно поинтересовался он, оттесняя меня в прихожую и закрывая дверь.

– Чего?! – оторопела я.

– Если человек не спит ночью, вероятнее всего, ему хочется поговорить, – ответил нахал таким тоном, будто это был совсем уж глупый вопрос, а потом, не разуваясь, пошел по комнатам. – Ну, или он работает. Или влюблен. Или просто псих. В общем, вариантов много, но мне

больше нравится про собеседника, потому что я и сам не прочь поговорить, – убедившись, что первый этаж дома пуст, мужчина облегченно выдохнул и вернулся ко мне, демонстративно убрал пистолет в кобуру. – Выключи на кухне свет.

– Зачем?

– Чтобы я не наделал глупостей, – нахал улыбнулся, ненавязчиво намекая, что происходящий каламбур может мигом превратиться в злую шутку. Ну, здравствуйте! Высокий, спортивный брUNET, лицо с острыми скулами, в царапинах и ссадинах, голос вкрадчивый, бархатный, чуть с хрипотцой – беги и бойся! Через пару дней я в тебя влюблюсь, потом куда-нибудь вляпаюсь, и закрутится-завертится сюжет бульварного романа, в конце мы поженимся или умрем. Спасибо, но прекрасного принца я перестала ждать еще в седьмом классе, иди в соседний дом, там незамужняя баба Катя, зацелует, замилует, еще и пирогами накормит.

– Пошел вон из моего дома, – спокойно сказала я и двинулась на кухню, не обратив внимания на упавший плед.

– Не уйду, – уверенно возразил мужчина, шагнув за мной. – Там темно, холодно и недружелюбные дядьки бегают.

Я резко обернулась.

– Какие дядьки?! Что ты несешь?! Какого хрена ты вламываешься ко мне среди ночи?! Вали быстро, или я вызову полицию.

– Не надо, – скривился мужчина. – У меня с ними нелады.

Отлично, он еще и уголовник!

– Лучше дай мне телефон или зарядку, чем раньше я позвоню своим, тем быстрее свалю от тебя. Номер продиктовать? Да не смотри ты на меня так, я неспециально решил скрасить твой одинокий вечер. Если захочешь, букет цветов в качестве извинения потом пришлю, только помоги. И свет все-таки выключи, а то запалимся. Больше сотни домов, проверить вряд ли сунутся, но все же... меня, кстати, Дима зовут.

– Вирина, – вздохнула я и полезла в сумку за зарядником. – От кого же такого страшного ты бегаешь?

Дмитрий опустил за стол, ответил небрежно:

– Пустяки. Влез в стан врага, огреб, теперь думаю, как исправлять ситуацию.

– Откуда в нашем захолустье стан врага? – не поверила я.

– Это просто случайная встреча. Я вообще картошку копать собирался.

– В декабре?

– Да, – кивнул мужчина. – Я немножко с придурью. Зато почти домашний.

Я усмехнулась и протянула мужчине зарядник. Где же я тебя видела? Явно не на улице сталкивались, я незнакомых людей не запоминаю...

– Чаю налить?

– Лучше кофе.

Поставила чайник, раскопала в шкафу банку с кофе, украдкой продолжая разглядывать гостя. Такая банальная внешность: темные растрепанные волосы («Гладить, как кота можно», – причитала Луна), короткая щетина, ссадины (с работой заживать не успевают), глаза красивые, бледно-синие, как у мальчишки. «Он еще и мир спасает, пятнадцатилетние девочки б плакали!» – цинично отозвался Демон, когда Вероника показала нам наших новых потенциальных противников – частное детективное агентство, переоценивающее свои силы.

– Где ты работаешь? – вскользь поинтересовалась я.

– Частное агентство, разгребаем дела, до которых полиции нет дела.

– Интересно...

– А ты переводчик?

– Да, – я схватилась за тему, перестраивая мозг под Эльвиру. Выключила плиту, разлила кипяток по чашкам и поставила на стол. Дима листал тетрадку, делая вид, что увлечен любов-

ной лирикой. – Вообще я синхронист, мотаюсь по странам, присутствую на переговорах. Художественными текстами занимаюсь в свободное время, люблю итальянскую поэзию.

– Мне свободного времени даже чтоб отоспаться не хватает, – вздохнул Дима и отхлебнул кофе. – Такая кутерьма сейчас творится... – Мужчина завел рассказ о нелегкой, но веселой службе.

Я слушала краем уха и набирала смс на телефоне: «Агент у меня, Зазеркальная, 13. Даже не думайте полошить округу стрельбой! Если надо, сама его вырублю. Снегина».

Потух свет. Темнота хлынула в кухню, связав нас по рукам и ногам, вытеснила все. Мне захотелось выругаться. Мало того, что незнакомый мужик в доме, так теперь еще и темно, зажигайте свечи, заводите философский разговор.

Некоторое время мы молчали, Дима пытался включить телефон, но зарядки не хватало.

– Ну, отлично, еще и свет отключили! Зато теперь точно не запалимся. У тебя свечи есть?

– Не помню, надо искать. Романтика по полной программе.

– Я надеюсь, ты не замужем? А то будет весело.

Я лишь хмыкнула:

– У меня свадьба через пару недель. Но не переживай, мужа сегодня не будет.

Я поднялась из-за стола, на ощупь прошла к шкафу у стены. В маленьких ящичках потчевало разного рода барахло, сразу же наткнулась на что-то острое и с характерным шиком отдернула руку.

– Давай лучше я поищу.

Я вернулась на стул. Покопавшись в ящиках, Дима вывалил на стол старые свечи, кое-как зажег уже отгоревшие свое фитильки. Блеклые огоньки осветили полуулыбку на его лице, заблестели в глазах.

– Будучи детьми, мы ошивались в заброшенных домах, таскали с собой большой ковер и пакет со свечами, духов каких-то вызывали, девчонок страшилками пугали... замечательное было время.

– Вызови мне дух счастья, – невесело отозвалась я. – Можно насовсем.

– Если б мог, себе давно б вызвал.

В окно загрохотали кулаком, Дима потянулся к кобуре.

– Тихо, – я поднялась со стула. Неужели так быстро приехали? – Сиди здесь. Тихо сиди. Я сейчас.

В кромешной темноте нащупала ручку двери, приоткрыла. На веранде маячила крупная тень с огоньком в груди, я мысленно выругалась.

– Вирушка! – провозгласила баба Катя и бросилась было меня обнимать, но вспомнила про свечу в руках. – Как давно я тебя не видела, детонька! А ты, я смотрю, тоже впотьмах сидишь? Страшно чай одной, сейчас при свете дня жить страшно, не то, что ночью. Ой, запыхалась я совсем, поддержи, Вирунь, свечку.

Всучив мне резной подсвечник, баба Катя деловито расправила фуфайку, в которой была похожа на неповоротливый ватный ком, убрала под платок прядь седых волос, еще раз облегченно выдохнула.

– Как давно я тебя не видела, детонька! Передохну у тебя немножко, пока свет не дали, хоть расскажешь, как живешь. Женишка еще нешла?

– Ну что вы, баб Кать, – отмахнулась я, юркнув в кухню. – Прячься живо! В угол! Тихо сиди! – шикнула. – Баб Кать, правда, не стоило... мне даже угостить вас нечем...

Бабка ловко проковыляла за мной и взгромодилась на стул.

– Не надо мне ничего, я сама завтра пирожков тебе напеку, совсем ведь исхудала, кожа, да кости, ты погляди на нее, при свечах работает, совсем себя не бережешь, Вирушка, совсем не бережешь. Так что там с женихом?

– Да какой жених, – вздохнула я, опускаясь за стол, невольно сжала подсвечник и, спохватившись, вернула реликвию бабе Кате. – Сейчас и без женихов...

– Зря, очень зря, – старушка неодобрительно цокнула языком. – Хоть бы кота завела. Бабе без кота никак нельзя. Вот если б не моя Муська... если б не моя Муська, была б я уже на той дороге, люди-то ведь сейчас какие, в гроб сведут, а умереть спокойно не дадут, живи и мучайся. Коты – одно спасение. А что это у тебя там за спиной?

Я обернулась на Димкин силуэт.

– Цветок, баб Кать, цветок.

– Ой, а что за порода? – заинтересовалась старушка, я прикусила язык.

– Бесхозная порода, баб Кать, совсем неинтересная. Так, от солнца заслоняет – и ладно, пусть живет, не выкидывать же, в самом деле... Как ваши дела? Как внук? Как сын? Навещают хоть?

– Ой, да какой там сын, обалдуй несчастный! В третий раз женился, внучат наклевал, сдадут мне их летом, как в детсад, и что я делать буду? Ни прополка, ни уборка, они ж меня приправой к ягодам съедят! Молодежь у вас сейчас баклажановая или как вы там говорите...

– Хреновая? – предположила я.

– Хреновая, прости Господи, хреновее некуда! – Бабка прислонилась к стене и сокрушенно закачала головой. – Вирушка, ты-то как поживаешь? Все работаешь, я гляжу, а за собой не следишь, не спишь, не отдыхаешь. Ну-ка на свет выгляни, глазки усталые, щечки осунувшиеся... не дело это, Вирушка, совсем не дело! Мужичка тебе хорошего надо, чтоб и тебя оберегал, и за домом следил, и деток, глядишь бы, наклевали, а я б их ягодками кормила...

– А-а-а-ап-чхи! – пробасил Дима.

Бабка вздрогнула.

– Вирушка, Господи ты мой свет, ты еще и простужена... Давай я за малинкой сбегая, клюковки найду, у Федорыча медку попрошу, мы тебя вмиг подлечим...

– Не надо, баб Кать, – торопливо отказалась я. – Это аллергическое. На цветок, наверное. Выкинуть надо, заразу, – последнее слово я невольно выделила. «Цветок» фыркнул.

Бабка не услышала, быстро переключившись на другую историю. Сграбастала со стола тетрадку, сощурилась, пытаясь разобрать заковыристый почерк, но ничего, конечно же, не увидела. Засмотрелась на огоньки свечей, и ее глаза, маленькие, в оправках из морщинок, вдруг вспыхнули такими же огоньками, яркими и живыми.

– Помню, была я молодая, – голос старушки стал тихим и мягким. – Гуляла по заброшенным домам с подружками, шабутная была, глупая... так и с мужем познакомилась, мы с девочками гадали, а они с парнишами напугать нас решили. Эх, и веселое, Вирусь, время было...

Все-то вы помните. Веселое время... я безмерно счастлива, что не помню из своей жизни ничего, даже дом уже перестал бросаться прикосновениями и отголосками, так и вы, будьте добры, заткнитесь! Вспоминайте сколько угодно, где-нибудь на завалинке, подальше от меня.

– Что молчишь, Вирушка?

– Мне не понять... – едва слышно ответила я. – Ничего, баб Кать, ничего.

– Ничего... – задумчиво протянула старушка. – Что-то цветок у тебя там странно шевелится, уж не ветер ли в форточку забрался, простынешь ведь, Вирушка, это тебе не агреллия твоя...

– Цветок просто шабутной, как живой, честно слово!

– Уж не бесы ли? – серьезно спросила бабка. – Я, Вирусь, могу попа позвать, он человек добрый, поймет, поможет, дом освятит, углы святой водой побрызгает, да и сынок у него молоденький, тебе в ровесники, поговаривают, не женат... Святые Угодники! – Кухню освятил непривычно яркий свет, бабка ахнула, схватившись за сердце.

Я сощурилась, мысленно проклиная всех богов и дьяволов. Иногда мне казалось, что кто-то сверху повесил на меня табличку: «Падайте все беды и глупости скорее на эту голову!». Сей-

час еще агенты припрутся, ее ж вообще приступ хватит! Не дай Господи, правда попа вызывать придется, не на освящение, так на отпевание.

Дмитрий сидел на кухонной тумбочке и с флегматичным видом жевал бублик.

– А я тут, знаете ли, плюшками балуюсь, – объяснился он. – Вирушка-то нормальной едой не кормит.

Мне захотелось зашвырнуть в него раритетным подсвечником, но баба Катя вдруг заулыбалась. Прижала руки к груди, заговорила медово:

– Ой, голубки вы мои сизокрылые... ясно все с вами, Вирушка всегда была приличной девочкой, застенялась, родненькая... ты посмотри, какого красавца сыскала, глаза синие-синие, а улыбка-то... – Димка с гордым видом выпрямил спину и ударился головой о висящий на стене ящик, тихо сматюгнулся. Сгорбившись, продолжил жевать черствый бублик. – Женитесь, сизокрылые, женитесь обязательно! Я попа нашего позову, он и вас обвенчает, и дом на всякий случай освятит... а пирожками я завтра вас откормлю, и борща сварю со сметанкой...

– Вирушка, – произнес Димка, усердно пытаюсь прожевать. – Я у тебя жить остаюсь.

Да чтоб ты сквозь землю провалился!

– Конечно, остается, – бабка смахнула слезу умиления. – Ты посмотри, какой красавец... а вы деток не планируете?

Какие дети?! Я этого придурка первый раз в жизни вижу!

– Что вы, баб Кать, какие детки? – елейным голоском заговорила я. – Рано нам еще. Смотрите-ка, свет дали, вам домой, наверно, пора, к Муське, заскучала уже без вас, бедная...

При упоминании кошки бабка вскочила и засуетилась.

– Да, что это я, совсем засиделась, молодежь заболтала! Побегу, Вирушка, побегу, а вы тут милуйтесь, деток делайте...

– Обязательно, – прочавкал Дима и подавился, поймав мой злобный взгляд.

– Завтра с пирожками забегу, – пообещала бабка, схватила подсвечник и исчезла так же быстро, как и появилась.

Дмитрий без зазрения совести сплюнул так и непрожеванный бублик в раковину.

– Ты их как памятную вещь что ли хранишь? – серьезно осведомился он. – Раритетная каменная хрень, мне теперь к стоматологу идти придется...

– Ты идиот?! – закричала я.

– Есть немного.

– Это что за каламбур?!

Мужчина честно пожал плечами и слез с тумбы.

– А ты здесь неплохо устроилась, – улыбнулся он. – Я б на тебе женился.

– Я уже замужем, – бросила я, показывая руку с обручальным кольцом.

– Подожди, – опешил мужчина. – Мне ты сказала, что свадьба через две недели, ей – что вообще еще не нашла жениха, а сейчас говоришь, что уже...

– Неважно, – отрезала я и, скрестив руки на груди, ушла к окну. Развели здесь спектакль драму-комедию, жила себе спокойно, никого не трогала, кто вообще просил вас лезть в мой дом?! Моя крепость, моя обитель: квадрат каменных стен, помноженный на одиночество – кто просил вас его разрушать? Только спустила пустоту с цепи, взяли и запугали ее, бедную, своим шумом, гамом и бубликами, вот что мне теперь, учиться жить заново и консервировать воспоминания, чтобы было, что дуракам всяким при свечах рассказывать?!

– Вирусь, ты на что обиделась?

– Еще раз назовешь меня Вирусей, получишь по морде, понял?!

Дмитрий не ответил.

Улицу осветили огни. Несколько машин остановилось у ограды, за считанные секунды агенты рассыпались по двору, взяв дом в кольцо.

- Вирин, – мужчина опешил. – Это...
- Я работаю на Веронику, – четко произнесла я. – Так что лучше даже не дергайся.

Эльвира не любит, когда ее называют полным именем, с улыбкой откликается на Элли. Она действительно похожа на гостью Изумрудного Города, только повзрослевшую: каблучки на невысокий рост, фигурка в трикотажном платье, волосы в ажурном плетении кос, детская серьезность во взгляде.

Ее гардероб – блузки, платья и брюки тонов весна-осень. Она любит кожаные зеленые куртки и сапоги на шнуровке.

...каждое утро наша маленькая квартирка окутана тишиной, тонкое стекло окон плавится от лучей встающего солнца. Я кручусь на кухне, напевая мотивы незамысловатых джазовых песенок, готовлю завтрак. Артур копается в планшете, читает новости, которые потом рассказывает мне с циничными комментариями.

Я устраиваюсь на соседнем стуле с вилкой и наглой счастливой мордой. Всегда съедаю у него часть завтрака, за несколько лет совместной жизни привык, а все равно демонстративно ругается. Просто так, наверное.

Артур – тот человек, у которого все просто. Просто жил, просто учился, просто встречался, просто расходился, просто ставил цели, просто – галочки, просто дослужился до заведующего отделением, без которого теперь дня не стоит семнадцатая больница, просто, – раз, – и осознал, что устроил себе жизнь.

– А на мне тоже женишься просто? – иногда спрашиваю я.

– Конечно, – пожимает плечами, будто это совсем глупый вопрос; шутиливо проводит пальцем по моему носу. – Это система жизни, Элли.

Я болталась по магазинам в компании младшей сестры и лучшей подруги, примеряла все подряд свадебные платья, пытаюсь найти то единственное, прекрасное, по мне одной скроенное. Не торопилась совершенно, будто до свадьбы еще года два, перемерила все: от простого савана до модного платья с кучей застежек и завязок, из плена которых меня вытаскивали полчаса.

На улице теплело. Декабрь тихо сменялся апрелем, снег лежал на тротуарах переваренным сахаром, солнце блестело в стеклах.

– Погода – мрак, – с излишним оптимизмом заключила Динка и расстегнула кожаную куртку. – Я не удивлюсь, если ты когда-то загадывала свадьбу весной.

– В феврале тринадцатого года, – серьезно кивнула я. – Мы тогда день рождения Артура справляли на природе.

– Правда? – не поверила сестра. – Я тоже так хочу. Только не со свадьбой, а с экзаменами. Загадаешь?

– Обязательно.

– Уже решила, на кого поступать? – присоединилась к разговору Инна.

Динка кивнула, сунула руки в карманы и опустила взгляд, выдержав загадочную паузу. Или просто любуясь на новые ботильоны на «тракторном» каблучке, с обувью у нее всегда были особые отношения.

– В полицию пойду.

Зная Динку, такого и следовало ожидать. По характеру она – типичный гуманитарий, а склад ума математический. В полиции не пропадет, а вот что будет с сослуживцами и преступниками – это уже не на нашей совести.

– Хорошо подумала? Жалеть потом не будешь?

– Не-а, – улыбнулась сестренка. – Буду пить кофе, закинув ноги на стол, читать детям лекции о справедливости и дрессировать собаку. Научу кусать всех по первому приказу. Кстати, о еде. Здесь за аллеей кафе новое открылось, говорят, хорошее. Может, перекусим?

Мы одобрительно переглянулись и свернули в паутину еще по-зимнему голых деревьев, Инна с Динкой взялись обсуждать стратегии выживания на рабочем месте, пока сестра не встала посреди дороги с восхищенным возгласом:

– Шарик.

В конце аллеи парень в красной куртке продавал воздушные шары.

– Эль, пошли быстрее, – не успела я опомниться, как сестра схватила меня за локоть и потащила за собой. – Я хочу красненький. И зеленый. Розовый, ух ты! Инка! Не отставай! Сколько стоит?

Диана заканчивает одиннадцатый класс, девушка уже взрослая, серьезная, умеет логически мыслить и принимать важные решения (пользуясь монеткой), но как только видит воздушные шары... тушите свет и бегите.

Насчитали семь штук, по количеству полос радуги. За пять минут дороги до кафе Динка предложила нам тысячу и один способ как использовать эту цветную красоту. Любить она их любила, но только находила должное применение, в руках не задерживала. Привязать к ним свадебное платье я запретила даже после торжества, дать деньги на несколько сотен штук, чтоб подняли выдумщицу в воздух, Инка отказалась. Девушка выбрала последний стоящий вариант – раздала их встречным детям.

– Радостью надо делиться, – философски заключила сестра.

В кафе будущий офицер заказала двойной латте и мороженое с карамельной крошкой, деловито расправила воротничок фиолетовой блузки и с серьезным видом продолжила обсуждать с Инной плюсы и минусы выбранной профессии.

– Радостью надо делиться, – повторила я, зачерпывая мороженое из чашечки сестры.

– На пятнадцать суток посажу.

– Я вернулся умирать, – провозгласил Михаэль, только войдя в штаб-квартиру. Как всегда хлопнул дверью, прошел к столу, оставляя за собой цепь грязных следов, сматюгнулся на визжащую Луну («Я же только утром намыла!») и закурил.

Вероника стояла у окна, скрестив руки на груди. Ботфорты на шпильке, черное платье выше колена, открытая шея с тонкой цепочкой – Демон оглядел женщину и присвистнул.

– А ты похорошела, – заметил он. – Постройнела, подкрасилась – лет двадцать скинула, одобряю.

Женщина нахмурилась.

– После собрания зайдешь ко мне, – строго сказала она.

Демон пожал плечами, стряхнул пепел сигареты на стол и невинно вздернул брови в ответ на гневный взгляд Вероники.

– Ты опоздал на час.

– Прошу простить меня, госпожа, делайте со мной, что хотите, я весь в вашей власти, – еле слышно запел он. – Ну, или вы в моей, это как вам там больше нравится...

– Заткнись! – рявкнула женщина.

Мы с Зеном переглянулись, чувствуя себя ненужными. Обычно такая перепалка затягивалась надолго, Демон и Вероника ссорились, а мы ждали, пока это кончится, и нам объяснят, наконец, новые заказы.

Луна давно ушла от разговора в мечты: сидела на стуле, прижав коленки к груди, и смотрела куда-то в окно, мешая ложечкой чай в белой кружке.

– Значит так, – продолжила Вероника, на удивление не став тратить время на перепалку. – Мы обсуждаем вопрос частника, рухнувшего на нашу голову. Взятый на даче Вирины агент сбежал ночью, из чего можно сделать вывод, что подготовка у него и его команды хорошая.

– А может, ему Вирка помогла, – сходу предположил Михаэль. – Кто знает, что они на даче делали, может, у них там шуры-муры, вот она его и вытащила, а? Мужика-то давно не было, да, Вир?

– Демон, заткнись, – осадил наглеца Зен.

– А ты на меня не зарывайся! Не дорос еще.

Вероника смерила меня взглядом, но ничего не сказала.

– Михаэль, ты берешь группу агентов и занимаешься этим делом. Вся информация есть в базе данных, детективное агентство «Версия», заедешь сегодня в офис, посмотришь.

– А почему нельзя взять наших орлов и просто разнести их на хрен? – честно не понял Михаэль.

Вероника оперлась руками о стол:

– Друг мой, ты думаешь они просто так взяли и решили нам жизнь испортить? У них серьезная «крыша», тягаться с которой нужно осторожно и обдуманно. Так что изучай и наблюдай. Желательно, притащи мне хоть одного живого агента, я должна знать, на кого и зачем они работают.

– Тогда без проблем, – согласился Демон и, откинувшись на спинку стула, взглянул на меня. – Ну, Вирус, ты же знаешь, как я с людьми работаю. Заступись за него, я же по глазам вижу, что хочешь.

– Да пошел ты, – огрызнулась я.

– Смотри, я дважды не предлагаю.

В кошельке у Элли лежат две красные марки, в наушниках играет старый джаз. Элли мотается по странам и городам в стертых кедах и рюкзаком на одно плечо, часто примеряет пиджаки и платья. Элли – переводчик-синхронист. Элли любит людей, небоскребы и мягкое мороженое из тележки с брезентовой крышей. Элли свободно болтает на трех языках и пишет латынью на асфальте.

...когда переваренный закат утекает за крыши, в город приходит ночной ветер, солнечные отблески исчезают с оконного стекла. Я выключаю ноутбук, беру рюкзак и шляпу-трилби, выхожу из гостиницы, чтобы побродить по затихающим улочкам Вероны. Туристы фотографируют старые дома и сонно шелестящие сады, местная молодежь катается на скейтбордах и велосипедах. Темнеющее небо ложится на крыши и заборы. Я каждый раз бреду по одному маршруту, будто возвращаюсь домой.

За мостом, на котором написаны французские аналоги фраз: «Машка дура» и «Я тебя люблю», есть маленькое кафе, окруженное клумбами с синими цветами. В теплый сезон столики здесь выставляют на улицу, можно сидеть с чашкой кофе и любоваться лабиринтами мощеных дорожек и домов, выискивая потайные места и закоулки. Я захожу сюда в первый же день приезда, звенит музыка ветра над дверью, и рыжеволосая бариста Маргарита улыбается, кричит радостно: «Mademoiselle!», но тут же переходит на русский язык:

– Латте-макиато, с шоколадом и корицей? Как давно тебя не было, Элли!

Я опускаюсь за стойку, снимаю шляпу и одеваю на голову девушке, с пушистыми кудрями она смотрится превосходно. Полупустое кафе заполняется ароматом пряностей, в руках баристы скользит солнце, вдруг вернувшееся с заката, девушка смешивает все краски этого мира, добавляет чуточку горечи в образе кофе и отдает мне лучшее, чем можно напоить человека в прохладный осенний вечер, в чужой, но радушно встречающей стране.

– В чашке с котом? – улыбается Маргарита.

Кофе здесь подают в безупречно белых чашках, больших и маленьких, они в рядок стоят на полке, и лишь одна бросается в глаза, потому что на ней акрилом нарисован пузатый пушистый кот. Я как-то познакомилась здесь с художником, проболтали до самой ночи, Маргарита благодушно не закрыла кафе, присоединившись к разговору. Мы пили кофе, и парень нарисовал на кружке кота специально для меня, сказав, что теплый и пушистый валенок с хвостом и четырьмя лапами должен быть у каждого, и моя аллергия – не повод отказываться от такого счастья.

– С котом, – киваю я.

Маргарита ставит около меня чашку и садится, подпирая рукой подбородок. Мы болтаем в течение чашки кофе, а потом бариста наливает мне вторую и выгоняет за столик на улицу – приманивать интересных людей.

На собеседников в Вероне мне везет. Первый раз в этом кафе я познакомилась с местной поэтессой, мы сидели за крайним столиком, я – в синем платье, она – в синих босоножках и с синим бантом в волосах, смотрели на синие цветы, а небо над нашими головами было точь-в-точь синее море, а может, и действительно оно.

Однажды я познакомилась с маленькой девочкой, которая научила меня превращать бумагу в журавликов и корабли. Солнце плескалось у нее в волосах, а в глазах озорничали пенные морские волны, она все объясняла легко и просто, потому что одна из важнейших вещей, которым должен научиться взрослый – превращать бумагу в журавликов и корабли.

– Вижу, вы разделяете мою любовь к шляпам, – послышался за спиной мягкий итальянский баритон, я обернулась через плечо. Пожилой мужчина стоял, галантно облокотившись на трость, и с улыбкой смотрел не то на меня, не то на лежащую на столе шляпу, Маргарита считала, что она является одной из привлекающих факторов. – Я присяду?

Я кивнула и мысленно переключилась на итальянский.

– Я вижу вас здесь уже не первый раз, но вы явно не местная. Приезжаете к родственникам?

– Приезжаю по работе, но довольно редко. Я переводчик, приходится ездить по городам, иногда выпадает счастливый случай.

Мужчина улыбнулся и не ответил. Маргарита выглянула из-за двери и демонстративно взглянула на наручные часы, покачала головой, мол, быстро нашла, ничего не скажешь.

– Я вот думаю, – продолжил итальянец. – Это воспоминания связывают нас с городами или города с воспоминаниями? Я знаю, что жители города Пара сверяют часы не по телевизору или радио, а по дождю. Я никогда там не был, но друг рассказывал, что ливень там идет в одно и то же время суток. Это не мои воспоминания, но они связывают меня с городом, и я могу подсесть к кому-нибудь в кафе, вот как к вам сейчас, и рассказать чудную историю. Или вспомните то чувство, вы отдыхаете в гостинице, и вам вдруг хочется, например, зефира. Или хлеба. Знаете, здесь в пекарне на соседней улице продают удивительно вкусный хлеб. Пекарь – человек с нескончаемой добротой, это весь его секрет. Так вот, вам вдруг хочется хлеба, или зефира, или яблок в карамели, вы выходите из гостиницы и идете в магазин. А по пути, на самых обычных улицах, местами грязных, пустынных или наоборот жутко шумных, вдруг вспоминаете... а вот что, решать уже вам. Может, как бегали здесь с подругой, покупали воздушные шарики или потеряли кошелек. Или встретили такого чудного человека, как я. Это город отдает вам воспоминания, тяжело, наверное, тащить стало. Как вы думаете?

Я думаю, что ради таких моментов и стоит жить. Пусть потом небо со всеми своими морями и звездами рухнет мне на голову, пусть смешаются все пути, ведущие к дому, пусть мечты и цели обломятся в карамельную крошку, я все равно буду жить ради моментов и людей, которые делают меня счастливой.

– Я люблю говорить о людях, как о друзьях, – продолжил мужчина. – Случайно увиденные, услышанные или прочитанные истории будто оживают после слов: «Один мой знакомый...» и становятся в сто крат интереснее. И мне не так одиноко. Вот сейчас, о чем мы с вами говорим? О городах? О воспоминаниях? Я ведь даже не знаю вашего имени, а вы – моего, но эту встречу вы запомните надолго и будете рассказывать кому-нибудь о ней вот так же, сидя в кафе за чашкой кофе, обязательно начнете со слов: «Один мой знакомый...» – и увидите, как заулыбаетесь. Замечательное утро, не правда ли? Вы когда-нибудь были на море?

Промокшее солнце бродило по крышам города, я стояла у лестницы кафе «Мартиника» и пыталась красиво завязать на шее алый шарф просто потому, что мне нужно было чем-то занять себя, пока не придет Михаэль. После н-ной попытки я бросила это дело, трижды окрутила шарф вокруг шеи и застегнула кожаную куртку.

Демон опаздывал уже на двадцать минут, какая наглость. Несмотря на отсутствие снега и мороза, на улице по-прежнему было холодно и сыро. Серый туман ютился у подножия домов и медленно но верно затирал яркие вывески – у «Мартиники», например, уже две буквы не горели.

Я бы лучше сидела сейчас где-нибудь в уютном кресле, пряча руки в рукава желтого свитера, болтала с Инкой и пила кофе – очень выгодный мне в зиму трафарет попался, Элька человек теплый и солнечный, после нудного дядьки-бизнесмена из Нью-Йорка мне самое то для укрепления иммунитета и душевного здоровья.

– Виринея Снегина?

Я обернулась. Мужчина в черных очках протягивал мне ключи.

– Вы выронили, когда завязывали шарф, – да неужели? Я точно помню, что они лежали в сумке, а не в кармане. – Могу я поговорить с вами по поводу работы?

Вот оно что. Оригинальный способ начать разговор, ничего не скажешь.

– Вас направила Вероника? – Я убрала ключи в карман.

– Нет, это никак к ней не относится. Вы кого-то ждете? Мы могли бы зайти в кафе погреться и все обсудить, это не займет больше двадцати минут.

– Я жду знакомого, поэтому говорите здесь. Лучше коротко и по делу.

– Я хочу предложить вам работу на стороне, – не стал медлить мужчина.

– Нет, – отрезала я.

– Виринея, я понимаю, что вот так сходу это звучит глупо и отталкивающе. Мы можем как-нибудь встретиться и обсудить? Я готов ждать сколько угодно, лишь бы вы нашли для меня время, чтобы выслушать.

– У вас есть важный заказ?

– Можно и так сказать.

Внешность мужчины скрывали темные очки и козырек кепки, но я все же рискнула предположить:

– У вас шрам под глазом и татуировка змеи на шее, верно?

– Меня, конечно, предупреждали, что вы профессионал, но чтоб настолько... – Мужчина несколько опешил.

Дело не в трафаретах. Его фотография была в материалах по агентству «Версия», удачная встреча, ничего не скажешь.

– Я подумаю, – уклончиво ответила я. – Позвоню, если сочту нужным.

Тяжелая рука хлопнула меня по спине.

– Снегина, здорово! – гаркнул Михаэль, я ткнула его локтем в бок. – Извини, задержался. Это кто?

– Это мой друг. Была рада повидаться, до свидания.

Агент кивнул и торопливо зашагал прочь, Михаэль смерил его подозрительным взглядом.

– Почему в экипировке?

– Потому что это – Анатолий Марьянов, детективное агентство «Версия». Даже не думай бросаться вдогонку, я назначу ему встречу вечером, и ты пойдешь со мной. Устраивает такой расклад событий?

Демон выдержал паузу, деловито прикуривая сигарету.

– Мне не нравится твоя постоянная связь с этим агентством, – серьезно сказал он. – Нет, я понимаю, что все это для дела, но подозрительно, Снегина. Очень подозрительно.

– Ты параноик, – усмехнулась я.

– Это вы с Луной меня таким сделали. Так, где этот хмырь живет? Вон тот балкон, раз, два, три, четыре... пятый этаж! Это ж пешком тащиться придется! Может, не пойдём к нему? Мне говорили, он мужик злой и очень страшный. А я вот сейчас больше есть хочу, чем с какими-то гадами возиться.

– Работа, Демон, всегда на первом месте. Но я тоже хочу есть.

– Вот и славно. Пошли в «Мартинику», я тебе заодно интересную историю расскажу.

Элли любит пижамы с рыжими драконами, но не любит спать. До двух ночи она бегаёт по квартире, пьет чай и переводит стихи и поэмы, не относящиеся к работе. Элли засыпает к рассвету, когда блеклые лучи света оплетают окна алым кружевом. Она никогда не ругает будильник.

...я запустила руку в коробку с зефиром и в ужасе осознала, что она пуста. Недолго думая, встала, собрала со стола ошметки шуршащей упаковки, а заодно и прочий мусор, выбросила в ведро и достала из шкафа еще одну коробку воздушного лакомства.

В дверь позвонили. Кто это так поздно? Динка вернулась? Я ведь ей так и не позвонила, не спросила, как она доехала.

На лестничной клетке стоял мужчина.

– Не спишь? – улыбнулся он. – А на улице дождь, я промок весь, решил на чай зайти, поговорить заодно.

– Ты кто? – не поняла я.

– Отлично, ты меня еще и не помнишь, – мужчина оттеснил меня в прихожую и закрыл дверь. – Ставь чайник, сейчас познакомимся, я за одно дело объясню.

– Дмитрий! – оторопела я, вспомнив дачу. – Уходи немедленно!

– Вирин, давай поговорим.

– Я не хочу с тобой разговаривать! – отрезала я, но тут же убавила тон: – Артур спит, мне нужно работать. Уходи, пожалуйста. Ради своего же блага.

– Вир, – Дима вздохнул. – Мне нужна твоя помощь. Хотя бы просто послушай. Пожалуйста.

– Тебе не хватило прошлого раза?

– Нет.

– А ты не боишься, что я сейчас соглашусь и скину ребятам маячок?

– Ты так не сделаешь, – уверенно произнес мужчина. Вот за что ты опять свалился на мою голову?

– Говори коротко, мне еще перевод делать.

Я даже не стала разбирать бумажный бардак на столе, как обычно делают при неожиданных гостях, просто щелкнула выключателем на плите, прислонилась к кухонной тумбе и скрестила руки на груди.

Дима нервничал, хоть и пытался не подавать вида. Типичный герой женского романа: независимый, серьезный и очень от этого уставший. Сейчас воодушевит нас трагической историей о борьбе добра и зла, и мы побежим исправлять ошибки молодости – держи карман шире.

– Сними трафарет, – попросил мужчина. – Эльвира, конечно, личность интересная, но я хотел поговорить с тобой.

– Как ты меня нашел? – проигнорировала просьбу я.

Дима сцепил руки в замок.

– У меня достаточно информации о тебе, – слишком равнодушно сказал он и вновь уставился куда-то в пол, будто пытался собрать воедино обрывки мыслей и внятно их объяснить. Нельзя к нам так в наглую соваться, нельзя – неужели в агентстве не учили? Без плана, без цели, без заготовленных фраз... Странно ты работаешь, очень странно. – Сколько вас?

– Не помню.

– Вирин, – нахмурился мужчина.

– Что? – изумилась я. – Почему я должна отвечать на твои вопросы? У меня договор о неразглашении информации где-то на даче валяется.

– Вас хотят поставить на конвейер.

– И что?

– Как это – что?! – возмутился Дима. – Неужели тебе все равно?

– Ты даже не представляешь, насколько, – я отвернулась к плите, чтобы заварить чай. – Трафареты – моя работа, которой я не собираюсь лишаться, и не надо рассказывать мне, что такое хорошо и что такое плохо. В планах Вероники, а уж тем более в ее характере и замашках, я разбираюсь явно лучше тебя. Ты хоть знаешь, кто входит в основной состав нашей конторы?

– Ходовые клички: Демон, Луна, Скрипач и Зен. Последний – несовершеннолетний вор высшей квалификации, остальные – наемные убийцы.

– Похвально, – кивнула я, взяла две чашки и перенесла на стол. – Чем еще ты можешь меня удивить?

– Ты меня за идиота держишь, да?

– Возможно, – я устроилась за столом и отхлебнула из чашки.

– Вирин, я честно надеялся, что ты не до конца разучилась мыслить. Из всей вашей команды ты показалась мне самой адекватной.

– А ничего, что серьезное психическое расстройство под названием раздвоение личности и ровень с моими трафаретами не идет?

– Это можно исправить, – уверенно произнес Дима, я не выдержала и рассмеялась.

– Ты даже представления не имеешь, с кем работаешь, – заключила я и снова отхлебнула чай. – Вот я смотрю на тебя и пытаюсь понять, что же в тебе не так. На юнца с вагоном благородства и самопожертвования ты не похож, в спецназе и ФСБ служил отлично, но вот с этим делом начинаешь серьезно проигрывать. Ты копаешь в верном направлении и поступить стараешься по совести и справедливости – это правильно. Но ко мне ты идешь зря.

Глаза – поняла я и замолчала. Слишком синие, слишком спокойные, слишком красивые. Он видел ровно столько, чтобы устать от жизни, но не сдаться, потому что менталитет не тот.

– Ты осознаешь, что вообще происходит?

– Где?

– Вирина!

– Дим, я одной ногой в трафарете...

– Вот поэтому я и попросил его убрать! – оборвал меня мужчина. – Вирин, я понимаю, что ужасно глупо с моей стороны просить о помощи своего потенциального врага, но, пожалуй-

ста, просто попытайся понять. Вас, «высококвалифицированных», пятеро, верно? ФСБ хватает развлекухи с делами, которые вы творите, но это неважно, всем наплевать на их тяжелую судьбу. Обратная сторона медали – обычные люди, жизнь которых вы просто берете и рушите, будто это ничего не стоит.

– В законах современного мира это действительно ничего не стоит.

– Не надо сейчас об этом, – открестился Дмитрий. – Я себе насобираю добрых теплых людей в ламповую атмосферу и буду жить припеваючи, забив на мирские вакханалии. Вот такой вот я жадный эгоист, и тебя тоже возьму, не переживай. К чему веду. Вас пять. А будет семь. Или десять. Или двадцать. Или сто пятьдесят.

– Неправда, – возразила я. – Что ты знаешь о Веронике? Ты с ней не работал. Ты не представляешь, какую ответственность она на себя берет. Держать под контролем нас пятерых – только ее задача, и никому она ее не отдаст. И с новобранцами будет точно так же, вернее, было бы, но она не станет брать это на себя. И никому другому не позволит. Вероника никогда ни на кого не полагается, поэтому у нее все и получается. Она всех держит в ежовых рукавицах – и капитанов, и простых агентов, и тех же ФСБ.

– А муж у нее от счастья помер, да?

– Его вроде и не было никогда, – я как-то сразу сбавила тон. – На самом деле, мы мало знаем о ее жизни... да нам это и неважно. Чаю еще налить?

– Налей, – Дима улыбнулся. – Знаешь, а я тогда тебя и узнать то нормально не успел.

– Ну и правильно, – я взяла чашки и отошла к чайнику. Быстро ты тему разговора поменял. – Я личность скучная, нечего меня узнавать.

– А мне сказали, что ты девушка добрая и хозяйственная, только готовить не умеешь и за садом не следишь. Но это все оттого, что в доме нет хозяина, который бы все в своих руках держал. Глядишь, деток бы наклекали...

– Ты к бабе Кате что ли ходил?! – изумилась я.

– Оно случайно получилось. Я искал на даче тебя, а напоролся на нее.

Я рассмеялась, плеснула в чашки кипятку и вернулась за стол. Дима сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел уже на меня.

– Возвращаемся к рабочим вопросам? – поинтересовался он, будто надеясь услышать отказ. Я кивнула, будто надеясь, что он сделает наоборот. – Я получил приказ разобраться с вашим делом... конечно, я работаю не в одиночку, – Дима взял кружку и взболтнул в ней чай. – Но мне бы очень пригодилась твоя помощь.

– Нет, Дим, – спокойно ответила я и потянулась к коробке с зефиром.

– Я и не надеялся на другой ответ, – произнес мужчина, будто не расстроившись. – Ладно, раз так, сделаю вид, что я просто зашел поболтать. Как твои дела?

– Хорошо. В Верону недавно летала.

– Нет, Вирин, – мягко возразил Дима. – Ты не поняла. Твои дела, не Эльвиры.

Меня будто оглушило. Я осторожно поставила кружку на стол, подняла на мужчину глаза, переспросила:

– Что?

– Расскажи мне, как твои дела.

По спине пробежала дрожь, со всех сторон хлынула темнота, и мир просто исчез за ней. Я тут же собрала его обратно.

Дима попытался скрыть удивление.

– Все в порядке, – уклончиво ответила я, часто поморгала, приходя в себя, и вернулась к чаю, взяла из коробки с зефиром еще одну штучку.

– Зря, – холодно сказал Дима.

– В смысле?

– Ты не любишь. Сама говорила, что не ешь сладкое, когда мы пили чай у тебя на даче, я точно помню.

– Врала, – фыркнула я.

– Врешь ты сейчас, когда выдаешь себя за другого человека.

– Потому что я трафаретчица, – отрезала я. – Это не работа, это стиль жизни.

Дима горько усмехнулся и склонился вперед, заглядывая мне в глаза.

– Снегина, это не жизнь.

– Уже поздно, – я придвинула к себе тетрадку с набросками. Тоже мне нашел, чем задеть. Не жизнь! Эта «не жизнь» уже десять лет за мной по пятам ходит, и ничего – жива еще, всем назло. – Мне нужно доделать перевод. Раз рабочих вопросов больше нет, тебе пора.

Он даже не удивился моей резкости.

– До двери хоть проводишь?

Я кивнула и поднялась.

Дима остановился у зеркала в прихожей, взял меня за плечи и развернул к отражению лицом. Боги, какой ужас... когда я успела вернуться?!

– Не дергайся, – голос пробрал до оцепенения. – Просто посмотри. Кто это?

Выцветшие волосы, пустые глаза и острые скулы – вспомни себя несколько лет назад и ужаснись. Скрытые тональником отпечатки десятков бессонных ночей и неправильного распорядка жизни, осыпавшаяся тушь под глазами, совершенно чужое лицо. Я ответила через силу:

– Вирина Снегина.

– А теперь, – мужчина закрыл мне глаза руками. – Опиши Эльвиру.

– Эльвира невысокого роста, с аккуратным лицом и мягкими русыми волосами, Артур любит, когда они рассыпаны по плечам. Любит целовать родину на ключице. У Элли добрые глаза, глаза ребенка. От нее всегда веет сладкими духами. Она любит сладости, особенно зефир. Любит надевать шифоновое платье цвета передержанного заката и шпильки, но не умеет на них ходить.

– Вирин, а какого цвета твои глаза?

– Карие.

– Не угадала.

Дима убрал руки и покинул квартиру, я стояла на месте несколько минут. Потом прислонилась к стене, медленно сползла на пол и замерла. Сумрак красился в темноту.

...иногда бывало совсем плохо.

– А давай так, – говорил Скрипач. – Ты сейчас закрываешь глаза, и будто ничего не было.

– И счастье пройдет, и боль пройдет, и жизнь пройдет, – усмехалась я...

...хочу вязаный свитер, гетры, ленты на запястья...

Я закрыла глаза, и стало совсем темно.

– Эль, что с тобой?

Прошел час или два – не больше. Я зажмурилась, по спине побежали мурашки. Что со мной... Действительно, чего это я прохлаждаюсь?! Нужно доделать перевод и лечь спать.

Артур сидел рядом и гладил ладонью мою коленку.

– Здесь думается лучше, – улыбнулась я, сонно щурясь. – Никак не могла подобрать рифму в последних строках.

– Ты моя неугомонная, – мужчина поднялся и осторожно взял меня на руки. – Пошли спать, а? Завтра утром перевод доделаем. Да и вообще, я считаю, что перед свадьбой у тебя должен быть входной!

– А лучше четыре, – кивнула я, прижимаясь к его груди.

Не вернусь к Вирине. Надоело.

Дождь бил в окна, в спальне было темно, хотя часы подходили к одиннадцати, тикая так громко, будто возмущались, почему я еще в кровати, но если будильник обиженно молчал, значит, к нам снизошла суббота. Я нашарила на полу шелковый халатик и поднялась, накидывая его на плечи.

Что-то стало по-другому.

Дождь все расходился, шумел громко, но безнадежно и пусто, ведь единственное, что ему оставалось – лить, заполнять потускневшие бульвары и заброшенные переулки, потому что город, живой и настоящий, отказывался выходить с ним на связь.

В квартире было холодно, где-то совсем рядом ждала незаконченная работа, но на кухне шипела сковорода, а привкус непогоды перебивал запах кофе – это значит, в соседней комнате меня кто-то ждал. Не спешил на работу, не будил раньше времени, а терпеливо ждал.

Вот оно.

Я не курить пошла, как обычно делала после ухода Артура на работу, а потянулась, счастливо зажмурившись, и побежала на кухню. В дверях остановилась, чтобы просто полюбоваться: мужчина стоял у плиты и сосредоточенно смотрел в сковородку, представляя, как выкидывает ее в окно. Потому что как еще поступать с проклятыми сырниками, которые прилипают к дну и не хотят переворачиваться, не превратившись в кашу?!

Я обняла Артура со спины, жест для него всегда был умилительный, потому что босиком я не доставала ему даже до плеча. Мужчина тут же развернулся, сомкнул руки за моей талией и заглянул в глаза.

– Неужели твоя больница смогла отпустить тебя аж на утро? – не удержалась я, он лишь улыбнулся:

– Мы же взяли аж четыре выходных.

– Серьезно?

– Не знаю. Но вряд ли сейчас стоит об этом думать.

Утро не любит дела. Только планы, постель и кофе.

Артур отвернулся к плите, сковорода протестующе зашипела, и мне пришлось спасти положение. Первая порция сырников была готова уже через несколько минут, выглядела съедобно, развалившись всего на семьдесят процентов, а на вкус и вовсе была умопомрачительна. Не может завтрак, приготовленный вдвоем, быть невкусным.

– Инка звонила, сказала, они ждут нас сегодня на даче, – вспомнил Артур, выкладывая на сковороду вторую партию. – Решили отдохнуть, собраться всей компанией.

Я испачкала палец в муке и мазнула мужчину по щеке.

– Едем?

– Конечно, едем. Только я сначала кое-кого проучу.

Я рассмеялась и хотела ретироваться к двери, но Артур подхватил меня на руки и крепко крепко прижал к себе. Коснулся губами шеи, щекоча короткой щетиной, спустился к ключицам, а потом сказал полупрошепотом:

– Я постоянно по тебе скучаю. Командировки, ночевки у подруг, рабочие дни – оно понятно, но я скучаю, даже когда ты спишь в соседней комнате, и мне приходится готовить завтрак одному.

Я себя иногда чувствовала героем какого-то фильма с банальным и избитым сюжетом. Но какая мне разница, если я счастлива?

За широкими окнами веранды шумел дождь, Инка резала яблоки и мурлыкала незамысловатую песенку, Артур настраивал гитару: сидел, откинувшись на спинку кресла и увлеченно крутил колки. Он редко берет ее в руки, но играет великолепно, я так люблю смотреть на него и слушать.

Где-то в доме шумел Сережа, муж Инки, вот уже десять минут пытаюсь найти штопор. Решив, что для меня дела пока нет, я накрылась курткой, взяла ключи и вышла на улицу, вспомнив, что где-то в машине были сигареты. Минутная перебежка туда-сюда, и намоченные волосы уже прилипли к щекам. Ну, и ливень сегодня.

Нашарив в кармане джинсов зажигалку, я устроилась на верхней ступеньке лестницы, края крыши хватало, чтобы укрыть от дождя. Расхристанное ветром небо медленно сворачивалось, как молоко, облака комкались и уходили к горизонту. В округе не было ни души, лишь на той стороне улицы в окнах уютных домиков горел свет.

Инка села рядом с тарелкой нарезанных яблок, я взяла дольку и сморщилась:

– Кислые.

Подруга пожала плечами, стрельнула у меня сигарету, поинтересовавшись:

– Артур одобряет?

– Он не знает.

– А как же...

– Инка, это же Артур. Он не придет сюда, зная, что мы вышли поговорить. А дымом от меня несет, потому что ты рядом курила. Еще у меня есть жвачка. И яблоки, – я взяла еще одну дольку, девушка рассмеялась:

– Конспиратор ты недоделанный.

– Хочешь веселиться, умей не палиться. Я помню, такая же погода была в Лондоне, когда мы приехали туда первый раз, – я поежилась и залезла в куртку уже с рукавами. – Дождь лил, не переставая, мы чахли в отеле дни напролет, переводы эти чертовы делали, на две встречи сходили, и хватило выше крыши, чуть не заболели. А потом нам вдруг захотелось яблок.

– Полгорода в поисках объехали, – поддержала Инка. – Мы ж с тобой на местности вообще не ориентируемся. Промокли до нитки, две глупые курицы, прибежали в магазин, а яблок там нет. Но ведь нашли потом, да?

– Нашли, – кивнула я. – Притащили в гостиницу, закутались в пледы, поставили чайник и принялись за яблоки. А они кислые, зараза, оказались. Как вот эти.

– Девчонки, я открыл! Пошли скорее!

Мы обернулись на радостный Сережкин голос, мужчина выглядывал из-за двери, держа в руках бутылку вина.

– Пойдемте-пойдемте, хватит тут мерзнуть! Артур уже и гитару настроил.

Мы выбросили окурки, зажевали горький привкус яблоками и вернулись на веранду. Я тут же прошла к Артуру и устроилась у него на коленях, провела рукой по струнам. Мужчина показал мне простой аккорд – всего две струны зажать.

Безнадежно, все равно не умею. Я здесь так, погреться в объятиях, да носом потереться о щеку, еще покормить его яблоками или сыром.

– Ну что, ребят, за встречу? – Сережа разлил по бокалам вино и опустился на диван рядом с Инкой. – Ну и погода, вы только посмотрите, дождь грохочет в середине декабря.

– Ага, а у нас тепло и уютно, – улыбнулась Инка. – Как здорово, что вы все-таки приехали. Я еще сейчас Нате позвоню, они тоже заехать хотели, с Игорем вместе. Артур, сыграй уже что-нибудь, Эль, слезь с него, неужели дома не насиделась?

– Насидишься у него, – фыркнула я, только сильнее прижимаясь к груди мужчины. – Дома-то не появляется со своей работой... играй уже, вашу любимую, армейскую.

Артур с Сережей в армии познакомились, а как демобилизовались, нас встретили, мы их с Гошей и Наташкой познакомили, так и сформировалась компания.

– Что-то случилось? Обычно ты не опаздываешь, – Вероника перетасовала стопку папок и, не найдя нужной, снова полезла в шкаф.

Я зевнула.

– Смотрели с Артуром фильм до ночи, я и забыла, что в шесть нужно уже у вас быть. Хоть и вернулась к себе, спать все равно охота. – Я потянулась и заметила свое отражение в зеркале над шкафом. Во-первых, права была баба Катя, нужно больше есть. Во-вторых, краситься, краситься и еще раз краситься перед выходом на улицу – это ж издевательство так людей пугать! – Можно я пойду в кабинет и приведу себя в порядок?

– Да-да, конечно, – Вероника кивнула, изучила имена на взятых папках, и протянула мне. – Посмотри заодно. Потом придешь в зал, я все подробнее объясню, а пока буду разбираться – так давно не лезла в документацию, забыла, где что находится.

В своем кабинете я последний раз была еще до отъезда в Нью-Йорк, какое счастье, что меня никогда не заботила уборка, а то б пришлось трудиться в угоду своим же осточертевшим принципам. Отперла дверь, зашла и тут же упала на диванчик, полежала, уткнувшись лицом

в холодную обивку, возблагодарила всех Богов и Дьяволов. Самое большое счастье в нашей бестолковой жизни – падать на мягонький и добрый диванчик, когда все эти люди, жизни и судьбы уже совсем осточертели.

Почувствовав, что засыпаю, повернула голову и заставила себя оценить обстановку. На столе – пустая ваза, любимый блокнот и карандашик, из-под опущенных жалюзи выглядывает рыжая кошачья лапа – как звали ту игрушку? Откуда она взялась? Не помню. Полупустые полки и ящики, ощущение пустоты и неважности всего как в отдельности, так и вместе взятого – какое еще чувство может оставлять мой серо-белый кабинет? Прямо перед моим носом, на столике, две новые папки. Сейчас посмотрю, только глаза на секундочку закрою...

...разбудил меня мягкий голос Скрипача. Мужчина сидел на краю дивана и легонько тряс меня за плечо.

– Вирина, детка, вставай, – он говорил совсем тихо, отчего спать хотелось еще больше, и я лишь уткнулась носом в обивку. – Совсем не высыпaeшьcя, да?

– А ты когда прилетел? – сонно пробормотала я.

– Вчера вечером. Давай, вставай. Вероника уже ждет.

– А зачем?

– Работать пора. Вирунь, вставай, серьезно.

– Угу...

– Давай, подъем! Я пока за кофе схожу.

Дверь закрылась почти бесшумно. Я села и, зажмурившись, с нажимом помассировала виски. Работа... какая работа, у меня уже есть Эльвира и трафарет! Скрипач вчера вечером прилетел...

Я открыла глаза и покосилась на дверь. Неужели? Скрипач?

Срочно приводить себя в порядок!

Скрипач – последний основной агент из нашей компании, лучший наемный убийца, красавец-мужчина с багряно-алыми волосами, обладатель музыкального слуха и бархатного голоса, изысканный кулинар, романтик-одиночка и мой лучший друг. Единственное чувство, которое можно было разбудить исконно во мне, Вириное Снегиной, не подмешивая чужие мысли и трафареты, было чувство тоски по нему.

Я ретировалась в «трафаретную», отделенную от кабинета перегородкой, быстро умылась, сменила свитер на черную майку, бросила куртку с эмблемой на диван, в зале будет холодно, не забыть бы взять.

Скрипач вернулся, когда я, уже накрасившись, причесывала кудри, вернее, короткие волнистые пряди, которые раньше были пышными кудрями насыщенно-каштанового цвета. Природная красота совсем истрепалась, неужели старею?

– Чудесно выглядишь, – улыбнулся мужчина, опуская на стол поднос с двумя чашками кофе и тарелкой бутербродов. – Уверен, ты еще не завтракала. По-хорошему накормлю тебя позже, а сейчас хоть перекуси.

Я стояла в дверях и улыбалась, не зная, что сказать. Неизменный Скрипач – рубашка, джинсы и коричневый пиджак, взгляд добрый, но властный, волосы длинные, но вечно выбивающиеся из-за ушей.

– Без меня здесь было совсем хреново?

Я кивнула.

Было бы неплохо поговорить, рассказать что-то самой или послушать его, прогуляться по мокрому парку, а потом прийти к нему домой. Посидеть на кухне, пока он готовит ужин, вспомнить что-нибудь – с ним это совсем не страшно – снова поговорить, растворив время в бокале красного полусухого.

Но сейчас – работа. За перекусом я бегло просмотрела папки: два досье на маленьких девочек шестнадцати и семи лет.

– Что за дело открывает Вероника? – поинтересовалась я, дожевывая бутерброд и перелистывая страницу.

– Хочет сделать повторный эксперимент с сывороткой, чтобы расширить основной состав и упростить нам работу. Вернее, это она так говорит, – Скрипач отхлебнул кофе. – Количество заказов растёт, уровень серьезно поднимается, и она будет продолжать поднимать его, насколько возможно. Новые сверхподготовленные люди сейчас очень кстати, а кому учить, кроме как не вам.

– Нам?

– Да. У тебя – свои агенты, у Луны – свои, у Демона – свои. Зен не в счет, он сам еще мальчишка, да и воровство не так востребовано, а я как работал один, так и буду.

Я вздохнула и отложила папки на край столика.

– У тебя сейчас трафарет?

– Девчонка, – кивнула я. – Вполне заслуженно счастливая, но не угодившая заказчице. Нужно разрушить семейное счастье из-за чьей-то глупой прихоти. Иногда я начинаю понимать, что делаю, и хочется просто умереть.

– Не думай об этом, – Скрипач накрыл ладонью мою коленку. – Нам на пару нужно было заниматься этим раньше. Пошли, труба зовет.

Почти весь первый этаж базы предназначался для тренировок, помещение делилось на сектора. В одних тренировались агенты из подразделения охраны, в других оные же пили кофе, половину занимали залы, оборудованные под занятия по определенной квалификации, часть из них отдали нам для обучения новобранцев.

– Как давно я здесь не был, – произнес Скрипач, войдя.

– Не поверишь, но я тоже здесь почти не появляюсь.

Под сводом высокого потолка лежал гул голосов. Многие агенты не видели необходимости закрывать двери, чтобы изолировать сектор от лишнего шума, поэтому ругань, смех и грохот разносились далеко по залу.

Мы прошли в левое крыло, где занимались новобранцы. Ребята еще не чувствовали себя свободно и старались не шуметь. Ровным рядком стояли три девушки из подчинения Луны и три парня из команды Демона, Вероника расхаживала перед ними все на тех же шпильках, в черных брюках и блузке, ярко выделяясь на фоне белых стен, и что-то объясняла.

– А вот и Виринея пожаловала! Ася, Тёма – это для вас, – женщина посмотрела на двух девочек, стоящих в стороне. Старшая любопытно изучала командиров, а младшая выглядела из-за ее спины. – Остальные все поняли? Работайте.

– Значит так, – почти в унисон скомандовали Луна и Демон, сменив Веронику.

Женщина подозвала девочек, и мы ушли в другую часть зала.

– Ты изучила документы?

– Частично.

– Артемия, – представила старшую Вероника. Девушка выпрямилась и вышла на шаг вперед. Складная, невысокая – на полголовы меня ниже, с круглым личиком и фиалково-синими глазами, темные волосы распущены, две прядки скручены в «кошачьи ушки» – мило, но будет мешаться при спортивных тренировках (хотя не факт, что они ей понадобятся). – Кратко: Тёма, шестнадцать лет, квалификация – трафаретчица. Разряд по художественной гимнастике и стрельбе, если это тебе чем-то пригодится. Анна, но откликается только на Асю, позавчера исполнилось семь лет. Ребенок в твоих руках, каким захочешь сделать, таким и будет, но ты прекрасно знаешь, что мне нужна профессиональная трафаретчица. Будут вопросы – зайдешь. Работайте.

Тёма накрыла ладонью голову и отдала Веронике честь, женщина хмыкнула и зашагала к выходу.

– Скрипач со мной.

Девочки проводили ее взглядом и вернулись ко мне.

– Меня зовут Вирина. Обращение на «вы» не люблю, – я присела на корточки, чтобы быть наравне с Асей. Малышка смущенно улыбнулась и спрятала прядь светлых волос за ухо. Боже, какой замечательный, милый шаблон: худенькая девочка с веснушками и янтарными глазами, формы ее размера не нашлось, осталась в джинсах и синей толстовке с заячьими ушками на капюшоне. – Где же вас нашли таких маленьких? Семья у вас есть?

– У меня – старший брат, но он живет в Нидерландах, и мы связываемся только по электронке, – голос Тёмы показался мне слишком тонким.

– А у меня – собака, – похвасталась Ася, осмелев.

– Собака? – заинтересовалась я.

– Ага. В рюкзаке лежит, плюшевая, с сердечком на лапе. Тото зовут.

Я погладила девочку по голове и поднялась. Во второй половине зала поднялся шум, Луна и Михаэль решили устроить показательный бой.

– Если вы видите такого козла, как Демон, – объясняла Луна девушкам.

– Если вы видите такую дуру, как Луна, – не отставал Михаэль.

Ученики смотрели, смеясь и восхищаясь. Луна двигалась с грацией кошки, Демон рисовался в своем стиле: наглый, уверенный, снисходительный не только к противнице, но и ко всему миру.

Луна сбланировала первые удары, девушки восхищенно взвизгнули.

– Она такая красивая, – у Тёмы перехватило дыхание.

– Луна? Да, она красивая.

Безупречная фигура, брюки в обтяжку, засученные рукава форменной куртки, кожаные перчатки без пальцев. Черные волосы убраны в высокий хвост, глаза подведены тонко

и изящно, подчеркивая кошачьи повадки во взгляде, а губы – нежные, лишь слегка подкрашенные. Дерется превосходно.

Домашняя Луна, девочка в тонком платье, с чашкой чая в одной руке и журналом в другой, фанатка спорта, чистоты и здоровой пищи, имеет мало общего с агентом, потому что на работе нет качеств «добрая», «нежная» и «понимающая».

Десять лет назад, когда Вероника только собрала команду, Луна была Демоном в женском обличье. Депрессивная скандалистка в драных джинсах и кожаной куртке, пачка сигарет в одной руке, банка энергетика – в другой.

– Детка, да мы сработаемся! – гаркнул Михаэль.

Роман длился месяц, измен детка терпеть не стала. Через год превратилась в милашку и паиньку, за что Демон ее возненавидел, но задатки отношений остались у них до сих пор. Правильно Зен говорил, таких надо хоронить в двухспальном гробу, чтоб и любовь была вечной, и не мешала никому.

Луна умудряется сочетать в себе все три ипостаси. Мы знаем, что временами она сваливает к старой компании: погонять на мотоциклах, устроить драку в клубе, выпить на крыше какой-нибудь высотки – но никогда не говорим на эту тему.

Демон ухитрился-таки прижать девушку к полу.

– Вот, – провозгласил он. – Теперь можно делать с ней все, что душе заказчика угодно. А потом и самому развлечься.

– Вот, девочки! Если такой кабан задумал недоброе, нужно просто пнуть его, как следует и подбавить сверху, – девушка скинула с себя Демона и врезала ему на прощание.

– Ничья, – сплюнул Михаэль. – Потому что если я ее убью, меня уволят. Продолжаем тренировку! Разбились на пары, парень – баба.

– А ты так же умеешь? – Обернулась ко мне Тёма.

– Умею.

– И нас научишь? – У девушки загорелись глаза.

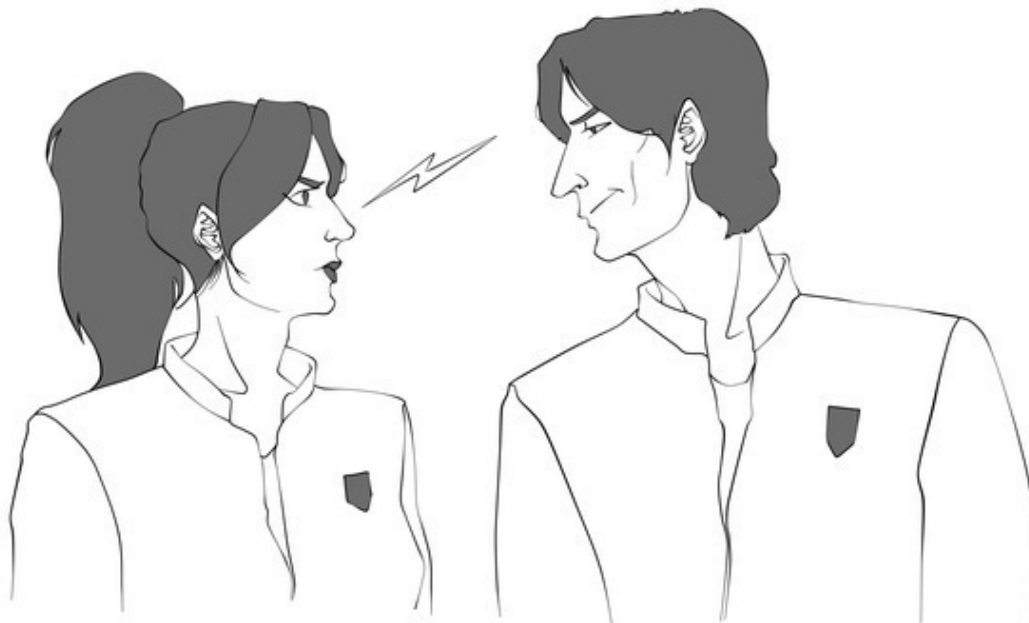
Я опустила руку ей на плечо.

– Послушай, девочка. Ты теперь можешь все, не учась ничему. Ты – трафаретчица. Больше нет разделения: могу – не могу, я – не я. Это как выбирать персонажа в компьютерной игре, ты можешь стать кем угодно. Нужно лишь научиться контролировать, а главное – вовремя останавливаться. Пошли, сюда мы вернемся позже.

Ася взяла меня за руку.

– Зайдем к Тотто? Он без меня скучает.

– Конечно, милая.

Я развесила на доске фотографии, указала на блондинку в очках.

– У тебя ведь есть мысленное представление о том, как ты выглядишь?

Тёма кивнула.

– А теперь смотри на фотографию и меняй свое представление внешности на внешность этой девушки. Не пытайся пробовать, будь твердо уверена, что это ты. Будто куртку меняешь – раз, и надела. Может заболеть голова, но это быстро пройдет.

Девочка впиалась взглядом в фотографию.

Помню, как в первый раз я таращилась на картинки, пытаюсь хоть цвет волос поменять. Тренировалась целыми днями, ни о чем не думая, отвлекалась только на сон, если б не Скрипач, я бы и есть забывала.

– Это сложно, – прошипела девочка, морща от усилия лоб. Через минуту бросила попытку, грустно вздохнула: – А если я не умею?

– Ты под сывороткой, так же, как и я. Смотри, – я взглянула на фотографию, моргнула.

Девочка ахнула.

– Не может быть!

Я перевела взгляд на другую фотографию: женщина с высоким хвостом.

– Как так быстро?!

Я взглянула на мужчину, переняла и его облик, но тут же вернулась. Девочка ошарашенно уставилась на меня.

– Я всего лишь меняю внешность, – пояснила я. – С мыслями все гораздо труднее, но пока мы не будем их трогать. Пробуй.

Тёма уставилась на фотографию, как баран на новые ворота, «кошачьи уши» на волосах превратились в «рожки». Внешность наотрез отказывалась меняться, девочка злилась, но продолжала упорствовать. Вероника, они еще совсем дети, неужели нельзя было подыскать для этой работы кого-то другого?

Я покачала головой и ушла к двери в «трафаретную».

На полу сидел плюшевый пес, Ася порхала вокруг, изображая балерину. Девочка будто не касалась пола, с каждым взглядом, движением, взмахом руки или поворотом – поднималась выше и становилась легче, возвращала себе крылья. Свет струился с раскрытого окна, оплетая ее запястья и волосы, тянулся к ней, как к солнцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.